DOI: 10.53737/2713-2021.2025.37.59.019

В.А. Асадов, Ш.Н. Наджафов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАМКА КЕРПИДЖЛИТЕПЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ (АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)*

Средневековый замок Керпиджлитепе находится на территории Геранбойского района Азербайджана на высоте 208—210 м от уровня моря. С северной стороны замок граничит с пашнями. Визуальный осмотр указывает на то, что в своё время замок был окружён строениями. Южнее проходит овраг высохшей речки. Рельеф участка равнинный.

В статье пойдет речь об архитектурно-строительных особенностях замка, его структуре, о культурно-торговых связях его жителей, а также о результатах анализа артефактов, обнаруженных в замке Керпиджлитепе.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, Геранбой, Керпиджлитепе, средневековый замок, сельджуки, средние века, р. Газанбулаг, строительные остатки.

Сведения об авторах: Асадов Вагиф Арифович[1], PhD (History), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана; Наджафов Шамиль Надирович[2], PhD (History), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана.

Контактная информация: [1,2]AZ1143, Азербайджанская Республика, г. Баку, пр-т Г. Джавида, 115, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана, e-mail: [1]vaqif-amea@mail.ru, [2]shamil_necefov@mail.ru.

Vagif Asadov, Shamil Najafov

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE MEDIEVAL CASTLE OF KERPIJLITEPE AND ITS SURROUNDINGS (AZERBAIJAN REPUBLIC)

The medieval Kerpijlitepe Castle is located in the Goranboy District of Azerbaijan at an altitude of 208—210 m above sea level. To the north, the castle is bordered by arable land. Visual inspection indicates that the castle was once surrounded by buildings. A ravine formed by a dried-up riverbed lies to the south. The terrain is flat.

This article discusses the castle's architectural and structural features, its structure, the cultural and trade connections of its inhabitants, and the results of an analysis of artifacts discovered in Kerpijlitepe Castle.

Key words: archaeology, Azerbaijan, Goranboy, Kerpijlitepe, medieval castle, Seljuks, Middle Ages, Gazanbulag River, construction remains.

About the authors: Asadov Vagif Arif[1], PhD of History, Ass. Professor, Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences; Najafov Shamil Nadir[2], PhD of History, Ass. Professor, Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences.

Contact information: [1,2]AZ 1143, Azerbaijan Republic, Baku, H. Javid Avenue 115, Azerbaijan National Academy of Sciences, e-mail: [1]vaqif-amea@mail.ru, [2]shamil_necefov@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 2 июня 2025 г.
Принята к печати 16 июня 2025 г.

© В.А. Асадов, Ш.Н. Наджафов, 2025.

Введение

Средневековые памятники Азербайджана разнотипные. К настоящему времени обнаружены сотни памятников, относящихся к ранним (IV—VIII вв.), развитым (IX—XVI вв.), а также поздним (XVII—XVIII вв.) средним векам. Речь идет о городищах, поселениях городского и сельского типа, убежищах, молельнях, мусульманских религиозных сооружениях, албанских христианских храмах и т.д. Сведения письменных источников и результаты археологических исследований документируют оживление городской жизни в Азербайджане в IX—X вв. и ускоренное развитие городов в XI—XII вв. (Bünyadov 1985).

Известно, что урбанизация и связанные с ней процессы являлась важным феноменом мусульманской цивилизации. На мусульманском Востоке ускорение процесса урбанизации нашло своё воплощение в расширении градостроительной деятельности, укреплении городского образа жизни, а также в изменении социально-психологического контекста (Azərbaycan arxeologiyası 2008: 31). Можно только отметить, что в XII—XIII вв. не возникло новых значительных городов, а большинство старых городов продолжало существовать в прежнем виде (Большаков 1984: 82). В средние века города занимали ведущую позицию сосредоточением производственного, культурного и интеллектуального потенциала. Они становились политическими, военно-административными, ремесленными, торговыми, религиозно-культурными центрами, также были центрами управления. Анализ письменных источников и результаты археологических раскопок позволяют выделить три типа феодальных городов:

1) Большие города, которые в разные периоды являлись столицами или важными центрами феодальных государств на территории Азербайджана. Как правило, их экономика основывалась на ремесле и торговле. Эти города были главными центрами сосредоточения интеллектуального потенциала страны;

2) Города средней категории, к которым относятся областные центры;

3) Маленькие городки являлись окружными центрами. К ним можно отнести также развалины средневекового замка Керпиджлитепе, о котором пойдет речь в этой статье (рис. 1).

Из сведений письменных источников становится ясно, что в IX—XII вв. на территории современного Азербайджана шло углубление феодальных отношений, наблюдался значительный прогресс в развитии хозяйственной жизни, ремесленничества, а также расширение торговых связей (Bünyadov 1985; Nəcəf 2010).

Во второй половине XI в. Южный Азербайджан и Арран присоединяются к государству Великих Сельджуков. Ширваншахи, принимая вассальную зависимость от Сельджукского султаната, смогли сохранить свою самостоятельность. В этот период в результате этнокультурных процессов, происходящих на территории Азербайджана, завершается процесс формирования тюркоязычного азербайджанского народа (Bünyadov 1985).

Все эти социально-экономические, политические, культурные и религиозные факторы обеспечивали общий подъем хозяйственной жизни в Азербайджане. Ускорялось развитие производственных сил, расширялись пашенные поля, закреплялось хозяйство оседлого скотоводства. Наряду с сельским хозяйством ремесленное производство, особенно неуклонно росло городское ремесло и в XII столетии достигло своего высокого уровня развития (Nəcəf 2010). Число поселений в стране увеличилось. Во внешней и внутренней структуре городов произошли масштабные изменения: развитие торговли привело к активной прокладке новых дорог, построению караван-сараев и мостов.

Поступательное социально-экономическое, политическое и культурное развитие было приостановлено монгольским завоеванием. Тогда карта Ближнего и Среднего Востока основательно поменялась. Земли Азербайджана вошли в состав пятого монгольского улуса Хулагуидов (Ильханидов), занимавшего обширную территорию — от Дербента до Персидского залива. Азербайджан стал его центральной областью, а город Тебриз стал столицей этого огромного государства (Nəcəf 2010).

Войны и притеснения местного населения кочевой военной знатью в стране, особенно в Арране, были одним из факторов, оказывающих отрицательное влияние на развитие хозяйственной жизни и городской культуры (Nəcəf 2010). Тяжёлая налоговая нагрузка и разрушение ирригационных сооружений в районах искусственного орошения нанесло тяжёлый удар сельскому хозяйству. Городское ремесло и торговля пришли в упадок. В результате этого после монгольских набегов на территории Азербайджана использовалась по своему назначению лишь десятая часть прежде обрабатываемых земель.

Общая характеристика памятника Керпиджлитепе

Памятник Керпиджлитепе является историко-археологическим комплексом. Здесь, в окружении средневекового поселения, появившегося примерно в XI в., был заложен феодальный замок. Во времена азербайджанских атабеков (Илдегизидов) заселение окрестностей замка активизировалось, возникли ремесленные кварталы, мастерские, производственные центры, а в окрестности образовалось поселение типа средневекового посёлка. Средневековое зодчество Керпиджлитепе, сохранившего следы сельджукской культуры, указывает на то, что этот памятник по форме и особенностям не является караван-сараем. Из нижеперечисленных анализов также ясно просматривается наличие здесь средневекового замка или адмнистративного центра типа феодального дворца. Выявление во время раскопок замковых помещений, как правило четырёхугольной формы, башен круглой формы, а также отсутствие общего двора, присущего караван-сараям и др. особенности однозначно определяют его характер (рис. 2). На поселении Керпиджлитепе после монгольских набегов жизнь полностью прекратилась. Местное население было либо истреблено, либо же по причине упадка хозяйства было вынуждено переселиться на какую-то другую территорию (Асадов, Наджафов 2024: 183).

Во время осмотра территории поселения, а также окрестностей можно встретить многочисленные образцы подъёмной керамики. Остатки материальной культуры, найденные на отмеченных участках, важны в основном с точки зрения археологической оценки данных участков. Нахождение на территории многочисленных образцов керамики, при том разного ассортимента, воплощающих в себе средневековье, позволяет прийти к выводу об интенсивности проживания в тот период.

Позиция поселения очень выгодна с точки зрения заселения (рис. 1; 3). Вокруг поселения имеется плодородный земельный фонд и водный источник для формирования земледельческого хозяйства. Артефакты доказывают, что в хозяйстве жителей поселения земледелие занимало значительное место. Найденные остеологические останки указывают на то, что население отчасти занималось также скотоводством.

Обзор археологических раскопок и результаты археологического исследования

Строительная архитектура Керпиджлитепе

Раскопки поселения проводились до глубины 3 м от дневной поверхности, после чего вышли на материк и поэтому раскопки прекратились. Было установлено, что на памятнике Керпиджлитепе наличествовали два строительных горизонта. I строительный горизонт начался с глубины 1,5 м и доходит почти до дневной поверхности. Выявленный на глубине 1,5 м II строительный горизонт начинается с 3 метров от дневной поверхности. Большинство строений I горизонта были выявлены в разрушенном виде, каменных и кирпичных рядов в кучной и разбросанной форме. Лишь выявленные в восточной части раскопа стенки сооружения сохранились в более лучшем состоянии. В целях углубления участка раскопок строительные остатки I горизонта были снесены и изъяты. После этого начались работы по

очистке от земли сооружений II строительного горизонта. В результате открылась следующая картина:

В восточной половине участка раскопок выявилась часть большого сооружения, условно названного нами замком (рис. 2). Последующие раскопки подтвердили наше предположение. Западная стена замка тянется на 11 м в северо-восточном направлении, после чего получает полукруглую форму (рис. 4). Этот полукруг является нижней частью первого выявленного форпоста замка. Диаметр форпоста составляет 5,2 м. Дальше восточная часть стены замка тянется в северо-западном — юго-восточном направлении на 17 м (рис. 4; 5: 1, 2) и упирается на остатки большого сооружения. Это сооружение длиной в 11 м расширяется к западу. Внутри остатков сооружения, фундамент которого состоял из крупных булыжников, наблюдаются следы булыжников, битых обожжённых кирпичей, алебастра и гажи. Это сооружение находится вне замковой стены. Дальше был обнаружен фундамент второго южного форпоста, диаметром в 3,2 м. От этого форпоста осталась только нижняя кладка, состоящая из крупных булыжников. Видимо южные форпосты замка были не такими основательными, как северные, что подтвердилось и остатками второго южного форпоста. Поэтому они подверглись большим разрушениям. Наверно в своё время река, протекающая с южной стороны замка, являясь естественной преградой, также повлияла на слабую постройку южных форпостов (рис. 4: 1, 2) (Асадов, Наджафов 2024: 176—177).

Края фундамента внутренней стороны замковой стены обрамлены тротуаром, состоящим из плоских обожжённых кирпичей. Перед северным форпостом, впритык к нему открылись три укрепительные подпорки, перед замковой стеной, тянущейся по восточно-южному направлению, обнаружились также ещё три подпорки, состоящие из обожжённых кирпичей, выстроенных в 3—4 ряда. Эти подпорки расположены на определённом расстоянии друг от друга. Тянущиеся параллельно внешней стене внутренние ограды состоят из булыжников среднего размера, расположенных в один ряд. Соответственно эти ограды параллельно внешней стене тянутся по восточно-южному направлению на 11 м, после чего, сворачивая на запад, параллельно южной стене замка тянутся ещё на 10,7 м (рис. 4). Таким образом, между внешней стеной и внутренней оградой замка остаётся пустой участок, который может называться «улицей» (рис. 9: 1). Грунт улицы мелкий, жёлтого цвета, внутри которого не были обнаружены следы материальной культуры, т.е. речь должна идти о материковой земле (Асадов, Наджафов 2024).

Стены замка возвышаются рядами, состоящими из чередующихся булыжников и обожжённых кирпичей. Булыжники отделяются друг от друга парными обожжёнными кирпичами, поставленными на попа. Такая кладка в средневековом зодчестве назывался «Гянджинской кладкой» (рис. 6: 2, 3). Сохранились лишь пять рядов этих кладок. Самая высокая сохранившаяся часть стены достигает 1,15 м. Ясно, что на этой кладке возвышалась оставшаяся часть стены, и она в своё время была разрушена. Это доказывается также оставшимися на поверхности кладки остатками камней и кирпичей.

На севере западной части участка раскопок обнаружилось сооружение. Здесь также выявились колодец, гажевая площадка, тандыры (установки для выпечки хлеба) и хозяйственные ямы. На юге западной части участка расчищены два строительных остатка и также были выявлены тандыры, обогревательные печи и подвал для хранения продуктов (рис. 5: 3). Отметим, что гажевые участки встречались на западной и южной стороне раскопа. Высокая сейсмичность многих районов Азербайджана обусловливала применение тяжёлых строительных материалов. Более крепкие, но в то же время более рыхлые известковые растворы заменялись относительно пластичными и более устойчивыми против сейсмических толчков гажевыми растворами (Асадов, Наджафов 2024).

После вскрытия вышеуказанного сооружения выяснилось, что это помещение четырёхугольной формы. Было определено, что это сооружение является печью для обжига сырцовых кирпичей и керамических сосудов. Это доказывалось также плоскими кирпичами, поставленными на попа в юго-восточном углу помещения. Несмотря на то, что стенки печи возведены из сырцовых кирпичей, из-за воздействия огня и жары они приобрели розовый

оттенок. Нижняя часть печи была сооружена внутри ямы в форме полуземлянки, что обусловливалось тем, чтобы тепло внутри печи хорошо сохранилось (рис. 8: 1, 2).

Северная часть сооружения изнутри была заполнена битыми кирпичами. Скорее всего, это остатки разрушенного свода. После полного очищения внутренности сооружения получилась следующая картина:

Внутри печь по западно-восточному направлению разделяется на перегородки, соединяющие юго-северные стенки сооружения (рис. 8). Здесь было зафиксировано шесть перегородок. Для обжига кирпичи клали на эти перегородки. Эти перегородки сверху плоские, нижняя часть же их посередине аркообразна. Все арки расположены напротив друг друга. Они служат для циркуляции воздуха для распределения тепла по всей площади печи. Длина всех шести арок 3 м, ширина 35 см. Расстояние между ними 27—33 см. Из-за влияния тепла арки изнутри приобрели зелёный цвет.

Южные стенки печи были выявлены на глубине 1,7 м от дневной поверхности, а западные и северные стенки лучшей сохранности, вышли наружу на глубине 1,2 м от дневной поверхности. То есть они были на 50 см выше южной стенки. Восточная стенка печи же наоборот была на 20 см ниже южной. Предполагается, что здесь в своё время находилась входная дверь, открывающаяся внутрь печи. После 3 м от дневной поверхности раскопочные работы были приостановлены. Это было связано как с безопасностью, так и сложностью, созданной перегородками, достаточно близко расположенными друг к другу (Асадов, Наджафов 2024).

Общая площадь печи составляет 4,9 (западо-восток) × 3,4 (северо-юг) м. Кирпичи стенок печи выстроены в один ряд. Они, сменяясь, поставлены на попа и плашмя. Стенки печи изнутри оштукатурены. На восточной стенке печи в глубине 2,5 м открыта дверца полуовальной формы. Края этой дверцы, шириной в 50 см и высотой в 40 см, с внешней стороны возведены из обожжённых кирпичей, на которых остались следы сильной гари (Асадов, Наджафов 2024). Может быть, через эту дверцу внутрь печи подбрасывались дрова (рис. 8).

Обнаружение на поселении такой совершенной и достаточно большой печи указывает на то, что наряду с производством определённой части глиняных изделий для внутреннего потребления, они изготовлялись также с целью экспорта. Археологические исследования показали, что для обеспечения поселений, расположенных вблизи кирпичных печей, производились строительные кирпичи (Məmmədov, Əliyev, 2011: 266, рис. 1—2).

Восточная часть участка раскопок богата хозяйственными ямами и тандырами (рис. 7: 2). Вообще тандыры встречаются на всей территории участка. Несмотря на то, что изобилие тандыров, изготовленных способом сборки или обжигом из глины, связано с потребностью удовлетворения в хлебе здешнего населения, также объясняется тем, что из-за особенного отношения к тандырам они не разбирались и после окончания срока их использования, в связи с чем, среди тандыров II строительного горизонта мы встречаем также тандыры, относящиеся к I горизонту. По мнению специалистов, крупные тандыры использовались для выпечки хлеба, тандыры же меньшего размера для согревания домов и других помещений. Стенки у всех тандыров в центре расширяются и относительно ссужаются близко ко дну. Эти и другие показатели указывают на идентичность керпиджлитепинских тандыров с современными. Эта идентичность проявляется как в технологии изготовления, так и в способе эксплуатации (Əhmədova 1984: 51—84).

В ходе раскопок памятника во всей территории памятника были также выявлены остатки и фундаменты комнатных помещений, площадки, вымощенные плоскими обожжёнными кирпичами (рис. 2), подвалы для хранения продуктов (рис. 5: 3), колодца и очаги. Во время археологических раскопок Керпиджлитепинского замка были обнаружены также остатки трубопровода для воды. Это говорит о том, что в то время здесь существовала система для обеспечения водой. Трубопроводы для воды были найдены также на других средневековых городищах Азербайджана, в том числе в Гяндже (Məmmədov et al. 2009: 258), Габале (Cəbiyev 2009: 249—250, 285, рис. 6a—b, 8, 9), Шабране (Əsədov et al. 2013: 60, рис. 14—15) и в др.

В результате поэтапных раскопок памятника Керпиджлитепе стало ясно, что этот памятник является феодальным замком, относящимся к периоду развитого средневековья (середина XI — начало XIII вв.). Замок занимает всю территорию исследуемого искусственного холма. Замок окружен крепостными стенами и соединяющими их полукруглыми башнями. Нижняя часть юго-восточной стороны крепостных стен осталась в сохранности. Из башен северо-западная сохранилась в относительно в хорошем состоянии, у юго-восточных и юго-западных же башен выявились лишь камни фундамента. По всей вероятности, северо-восточный форпост замка также должен сохранится в хорошем состоянии. Это подтверждает выявленная в середине стены полубашня, соединяющая северо-западную и северо-восточную башни. Она сохранилась в относительно в хорошем состоянии. По нашему мнению, это связано с тем, что из-за наличия входных дверей замка, эта часть как бы считалась титульной и поэтому была сооружена более основательно и роскошно. Южные же башни не несли такую функцию и также, как было отмечено выше, защищались естественной преградой. На сохранившихся северо-западной башни и западных стенах замка был использован строительный стиль под названием «гянджинская кладка» или «арранская кладка», которая служила как для укрепления стен, так и в качестве декора (рис. 5: 4; 6: 2, 4, 5). К своеобразным чертам Арранской школы зодчества относятся разделение на ясно просматривающийся основной строительный массив и на его украшение. Здесь оставила определённый след облицовка декоративными блоками. Отметим соответствие декора основному массиву здания, выявление и выделение особенностей композиционных планов, характерных для XII—XIII вв. Фактура и характерное разделение облицовочных поверхностей сооружений определялось обожжёнными кирпичами, являющимися основным строительным материалом (Усейнов 1963: 109). Средневековые зодчие и строители уделяли большое значение облицовке стен. Для средневекового города Шамкир также очень характерна полихромная, объединённая кладка (Достиев 2009: 253). Юго-западным и южным стенам с внешней стороны примыкались вспомогательные строения, из-за чего не было надобности возводить эту часть стены в укреплённом и декоративном виде. Скорее всего, с этим связано то, что эти части замка подверглись большим разрушениям (рис. 5: 4).

Таким образом, как было отмечено выше, часть выявленных остатков материальной культуры находилась внутри замка (остатки жилых помещений, тандыры и горны, подвалы для хранения продуктов (рис. 5: 3; 9: 1—3), колодца и кирпичные настилы), другая же часть располагалась на внешней стороне (остатки строений, обжигательная печь, хозяйственные ямы, тандыры и колодец).

Артефакты

Отметим, что во время раскопок памятника Керпиджлитепе были собраны многочисленные остатки материальной культуры. Эти археологические материалы, выявленные во всех культурных слоях участка раскопок, состояли из керамических сосудов и изделий, орудий труда, медных монет, малочисленных украшений, осколков стеклянных сосудов, а также строительных материалов.

В результате раскопок памятника Керпиджлитепе всего обнаружено 2 577 фрагмента керамических изделий. Материал классифицирован по функции на три группы: кухонные (22,2%), столовые (65,4%) и хозяйственно-бытовые (21,4%). Большая часть керамических изделий качественно обожжена на огне. Часть некоторые горшков и кувшины имеет довольно грубую формовочную массу, с примесями крупных минералов. По составу теста — исходное сырье + дресва, разных размеров и разной сортировки, и второй рецепт — глина + дресва + органика, дресва также встречена от мелкой до крупной, разной сортировки, органика представлена от соломы, реже трава и навоз.

Керамические сосуды были обнаружены в целом и фрагментарном виде (рис. 10: 1—28). Это поливные и простые (неполивные) сосуды. На основе типологических особенностях эти материалы можем отнести к X—XIII вв. Обнаруженные сосуды розового, красного, бурого, оранжевого, кремового, желтоватого и беловатого цвета. Состав глины у них чист или с примесью песка. Находились также сосуды особенного назначения. Среди глиняных изделий больше встречались глазурованные светильники (рис. 10: 29, 30) и сосуды, называемые в научной литературе «чернильницами» (рис. 10: 31, 32). Керамические изделия, в качестве массового материала имеют важное научное значение в изучении быта и духовной культуры народа (Ионе 1951: 73).

Неполивная керамика вместе с поливной керамикой могут выступить как показатель развития производственных сил, степени продвижения процесса отмежевания городского ремесла от сельского. Они дают важный материал для исследования организации керамического производства в средневековом азербайджанском городе (Dostiyev et al. 2013: 186).

Найденные во время раскопок Керпиджлитепинского памятника неполивные сосуды являются кувшинами, горшками, котлами, подойниками, крупными кувшинами (кюпами), жбанами, крышками и т.д. (рис. 10: 1—26). Поверхности неполивных сосудов украшены начерченными, волнистыми, рифлёными, штампованными узорами и выпуклыми линиями. В большинстве случаев они имеют лентообразные или дугообразные ручки. Поливные сосуды представлены в основном вазами, тарелками, пиалами и солонками (рис. 10: 13—22, 28). Нижнюю часть венчиков, как правило, окружает выпуклая линия или цепная полоска. Встречались также сосуды, венчики которых украшены колосовидными узорами. Поверхность некоторых сосудов украшена штампованными узорами с зооморфными изображениями. На средневековом поселении Фахралы встречались кувшины, украшенные с прилепленными полосками (Əsədov et al. 2015). Фрагменты кувшинов с отогнутыми наружу венчиками, нижнюю часть венчиков которых окружали прилепленные цепные полоски были обнаружены на средневековых городищах Шамкир (Dostiyev et al. 2013: 200—204, инв. 193, 292, 465, 590.2, 717, 845), Бейлаган (Ахмедов 1959: 186—226), Гянджа (Джафарзаде 1949), Шемаха (Джидди 1981), а также на поселении Фахралы (Əsədov et al. 2015: 42). Подобные орнаменты характерны также для синхронных поселений Центральной Азии (Массон, 1949). Здесь также были обнаружены, как и на Керпиджлитепе, фрагменты кувшинов с идентично штампованными орнаментами с зооморфными и антропоморфными мотивами (Асадов, Наджафов 2024).

Поверхность поливных сосудов украшена геометрическими, растительными и зооморфными узорами в полихромном и монохромном виде (рис. 10: 13, 23) (Əsədov, Fərmanov 2021: 119—131). В одном случае встретился также антропоморфный рисунок (изображение сельджукского воина). Привлекает внимание изобилие чернильниц (рис. 10: 31, 32). Массовое обнаружение этих изделий указывает на то, что в тот период на территории Азербайджана, в том числе в Гянджинском регионе было достаточно образованных людей, занимающихся делопроизводством и письмоводством. По сведениям географа и путешественника-историка Ягута аль-Хамави, один из книжных фондов, богатый книгами на арабском и персидском языке, находился в близлежащем к Керпиджлитепе крупном г. Гяндже (Халидов 1985). Библиотеки, имеющие такие книжные фонды, были открыты для всех желающих. Посетители этих библиотек занимались чтением и копированием книг. Приходящим со стороны выдавались чернила и ручки, ученные же, занятые в разных сферах науки, обеспечивались зарплатой. Такие библиотеки посещали знаменитые учёные, в них организовывались их диспуты (Халидов 1985: 192).

Орудия труда состоят в основном из остатков орудий, изготовленных из железа и из камня. Железные орудия представлены серпами, ножами, лопатой и т.д. В число каменных орудий входят ручные мельницы, зернотёрки, точилки и др.

Медные монеты были обнаружены одиночно, а в одном случае в совокупном виде во многих местах участка раскопок и на разных глубинах. Часть из них была очищена и прочитана специалистами. Было определено, что они относятся к периоду азербайджанских

атабеков, Илдегизидов. Монеты сельджуков Малой Азии обнаруживались также во время археологических раскопок Бейлагана и Гянджи, их датируют XII—XIII вв. (Ахмедов 1983; 1984: 86). Отметим также, что в ходе раскопок памятника Керпиджлиитепе не было обнаружено серебряных монет, что можно объяснит нехваткой в тот период серебра на Востоке. Основными причинами этой нехватки был экспорт серебра в X—XIII вв. в северные страны, с которыми мусульманский мир имел широкие торговые отношения, исчерпание серебряных рудников, уменьшение запасов серебра в странах, экспортирующих этот метал. Несмотря на это, выход серебра из платёжного оборота не стал препятствием для дальнейшего развития товарно-денежных отношений в Азербайджане. Его функции в качестве платёжного средства и средства международных денег были успешно заменены медью и золотом. Это доказывается многочисленными кладами медных и золотых монет, найденных на территории Азербайджана и всего Кавказа (Bünyadov 1985: 203—205).

Стоит отметить тот факт, что на территории замка были найдены украшения: стеклянные браслеты разного цвета, а также бусы, изготовленные из пасты, стекла, агата и др. материалов. Была также найдена прекрасно инкрустированная заколка для волос, изготовленная из кости. Стеклянные сосуды хотя обнаруживались в фрагментарном виде, они относятся к флаконам и пиалам (Əsədov, Əhmədova 2023: 101—109).

Среди других находок можно указать на выявленных в двух местах полуобгоревших семян пшеницы, деревянную труху, обнаруженную в ямках для столбов, многочисленные кости животных и птиц. Кости животных принадлежат как к крупному рогатому, так и мелкому рогатому скоту.

На глубине 40 см от дневной поверхности по всему периметру участка раскопок наблюдалась выжженная полоса, которая говорит о происходившим в своё время сильном пожаре. Может быть, в результате этого пожара проживание, продолжавшееся здесь веками, прекратилось.

Хронология

Результаты радиоуглеродного исследования

В результате археологических исследований, охватывающих лишь определённую часть памятника Керпиджлитепе, было определено, что здесь находился феодальный замок, а рядом с ним поселение. Анализ выявленных остатков материальной культуры дают основание считать, что этот памятник относится к средневековью, а точнее к X—XIII вв. (табл. 1).

На основе фрагментов костей животных и угольных остатков, взятых с разных раскопочных квадратов, проведена радиокарбонная датировка, получены результаты, связанные с абсолютным возрастом памятника.

Абсолютное большинство образцов керамики, найденных на Керпиджлитепе, по форме венчиков, туловищ и поддонов, составу керамики, расцветке, особенностям украшения и толщине, составу глазури можно отнести к XI—XIII вв. С большой вероятностью эти изготовленные с большим вкусом сосуды были привезены в Керпиджлитепе из близлежащих азербайджанских городов Гянджи и Шамкира, достигших в тот период высокого уровня развития. С точки зрения особенностей нанесения узоров и цветовых гамм не вызывает сомнений принадлежность некоторых полихромных сосудов Керпиджлитепе к XI—XII вв. Схожие полихромные сосуды были встречены на средневековых городищах Гянджа, Шамкир, Бейлаган, на средневековых поселениях сельского типа Кёхня Арчиван, Шыхнадул, Фахралы, Дашбулаг и т.д. (Axundov и др. 2002; Dostiyev и др. 2002: 132; Najafov et al 2024). Наряду с проведением классификации их аналогов, обнаруженных на Бейлагане, А.Л. Якобсон обосновал принадлежность поливных сосудов такого типа к IX—XI вв. (Якобсон 1959а: 228—302). Аналоги сосудов этого типа В.Н. Левиатов обнаружил в ходе раскопок, ведущихся в г. Баку и отнёс их к IX—X вв. (Левиатов 1946: 37—39).

В Керпиджлитепе стабильная социальная жизнь и динамичное экономическое развитие прервались в начале XIII в., когда поселение и замок подверглись разрушению во время феодальных войн и население начало покидать это место. Вполне возможно, что постепенный упадок феодального замка и окрестного поселения сельского типа происходил накануне монгольских набегов или же во время них. В это время эти области как и другие многие территории также подверглись жестокому разрушению, Вследствие этого Керпиджлитепе понёс большой урон. Это мнение подтверждается также наличием толстого слоя золы и следов масштабного пожара в слоях разных раскопочных квадратов, относящихся к началу XIII в.

Заключение

Стены, присущие феодальным замкам, богатство и разнообразие обнаруженных археологических материалов, сооружения, возведённые с использованием передовых архитектурных стилей, обилие монет, указывающих на высокие торговые отношения и чернильниц, являющихся показателями грамотности, говорят о том, что этот памятник был частью феодального имения, вокруг которого располагалось поселение не сельского, а, может быть, поселкового типа.

В Керпиджлитепе хорошо прослеживаются следы высокой сельджукской культуры. Это связано с близостью средневекового памятника Керпиджлитепе к таким городам, как Гянджа и Шамкир, которые в своё время были центрами высокой культуры. Среди керамических изделий, найденных во время археологических раскопок на Керпиджлитепе, встречаются также фрагменты фаянсовых сосудов. Основными производственными центрами фаянсовых сосудов в научной литературе однозначно считаются города Рей и Кашан Ирана (Axundov и др. 2002: 69). Но некоторые отходы фаянсового производства, найденные на некоторых средневековых городищах Азербайджана, доказывают, что в средние века на этой территории существовало производство фаянса. Наряду с разнообразием геометрических и растительных узоров на сосудах, отрадной пестратой использованной глазури, встречаются также изображения представителей животного мира Азербайджана: джейранов, оленей, лошадей и жеребят, рысей, львовь, горных козлов, зайцев и т.д., а также птиц и рыб. Гончарные художники того периода почти всех животных изображали в естественном и живом виде.

Среди артефактов, найденных в Керпиджлитепе, стеклянные изделия хоть и составляют меньшинство, но занимают важное место. Производство стекла считается характерным в основном для городского ремесла. Поэтому, стеклянные образцы, обнаруженные на Керпиджлитепе, скорее всего, были привезены из таких развитых средневековых городов как Гянджа и Шамкир. Несмотря на то, что они, с точки зрения формы и художественного оформления, не очень богаты, но они привлекают внимание по качеству изготовления и прозрачности. Были обнаружены лекарственные сосуды и сосуды для ароматических веществ из изящного стекла, стеклянные сосуды в форме кувшина.

Керпиджлитепе, проживая пик своего культурно-экономического развития, являлся типичным средневековым посёлком, обладающим развитым ремеслом и торговлей, товарно-денежными отношениями, экономическими и культурными связями с рядом городов Азербайджана и соседних стран, объединяющим вокруг феодального дворца разных ремесленных кварталов и жилых помещений. Несмотря на то, что в начале XIII в. в результате монгольских набегов интенсивная жизнь здесь временно угасла, но все же была подготовлена почва для подъёма и процветания в дальнейшем в близлежащем округе средневековой сельской жизни.

Литература

Асадов В.А., Наджафов Ш.Н. 2024. Средневековая жизнь в Керпиджлитепе — период сельджуков и после монгольского завоевания. *Археология Евразийских степей* 2, 172—185. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.2.172.185.

Ахмедов Г.М. 1959. Неполивная керамика Орен-кала IX—XIII вв. Труды Азербайджанской (Оренкалинской) Экспедиции. *МИА* 67, 186—226.

Ахмедов Г.М. 1983. О среднеазиатских параллелях материальной культуры средневековых городов Азербайджана. В: Тулепбаев Б.А. (отв. ред.). *Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии.* Материалы Всесоюзного совещания 13—15 мая 1981 г., г. Алма-Ата: Наука Казахской ССР.

Ахмедов Г.М. 1984. *Города Азербайджана XII начала XIII в. в свете новых археологических исследований. Альманах Низами Гянджеви*. Книга первая. Баку: Элм.

Большаков О.Г. 1984. *Средневековый город Ближнего Востока (VII — середина XIII в.). Социально-экономические отношения.* Москва: Наука.

Геюшев Р.Б. 1985. *Средневековый город Шабран.* Баку: Элм (Памятники материальной культуры Азербайджана).

Джафарзаде И.М. 1949. *Историко-археологический очерк старой Гянджи*. Баку: АН Азерб.ССР.

Джидди Г.А. 1981. *Средневековый город Шемаха (IX—XVII вв.).* Баку: Элм.

Достиев Т.М. 2009. Раскопки цитадели средневекового Шамкира. *Кавказ. Археология и Этнология. Материалы международной конференции*. Баку: Нурлар, 251—257.

Ионе Г.И. 1951. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. *Материальная культура Азербайджана* 2, 31—79.

Левиатов В.Н. 1946. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII—XV вв. *Известия АН Азерб. ССР (серия: история, философия и право)* 7, 37—39.

Массон М.Е. 1949. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. *Труды ЮТАКЕ* 1, 16—115.

Усейнов М.А. Бретаницкий Л.С. Саламзаде А.В. 1963. *История архитектуры Азербайджана*. Москва: Госстройиздат.

Халидов А.Б. 1985. *Арабские рукописи и арабская рукописная традиция*. Москва: Наука.

Якобсон А.Л. 1959. Поливная керамика средневекового Азербайджана. *Декоративное искусство СССР* 7, 29—32.

Якобсон А.Л. 1959а. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала): по материалам раскопок 1953—1955 гг. *МИА* 67, 228—302.

Axundov T.İ, Dostiyev T.M, Əliyev İ.N. 2002. Köhnə Ərcivan yaşayış yeri. *Azərbaycan arxeologiyası* I-2, 65—71.

Azərbaycan arxeologiyası. 2008. VI cilddə. VI cild (orta əsrlər). Bakı: Şərq-Qərb.

Bünyadov Z.M. 1985. *Azərbaycan Atabəyləri dövləti.* Bakı: Elm.

Cəbiyev Q.C., Abbasova E.İ., Nemətov S. D. 2010. Qəbələ orta əsrlərdə. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2009*. Bakı: Xəzər Universiteti, 244—251.

Dostiyev et al. 2013: Dostiyev T.M., Bəşirov R.Y., Mirzəyev R.H., Hüseynli N.N. 2013. *Orta əsr Şəmkir şəhəri: arxeoloji qazıntılar və artefaktlar*. Bakı: Çaşıoğlu.

Dostiyev T.M., Əliyev İ.N., Ələkbərov A.İ. 2002. Şıxnədul orta əsr yaşayış yeri. *Azərbaycan arxeologiyası* 3-4, 129—136.

Eminli C.T. 2012. Qəbələ (Səlbir) şəhər yerində arxeoloji tədqiqatlar. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 278—296.

Əhmədova V.A. 1984. Azərbaycan təndirləri. *Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri (tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası)* 1, 51—84.

Əsədov et al. 2013: Əsədov V.A., Babayeva T.V., Əbdürəhmanov Ə.İ., Bağırova A.F., Babayev T.D. 2013. Şabran şəhər yerində aşkar edilmiş keramika məmulatlarının xüsusiyyətləri. *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* 2, 52—61.

Əsədov et al. 2015: Əsədov V.A., Nəcəfov Ş.N., Ağalarzadə A.M., Əbdürəhmanov Ə.İ. 2015. Faxralı orta əsr yaşayış yerinin arxeoloji materialları və qəbir abidələri. *Dövlət və din* 09 (38), 38—50.

Əsədov V.A., Əhmədova G.R. 2023. Kərpiclitəpədə aşkar edilmiş şüşə məmulatları. *Dövlət və Din* 2 (76), 101—109.

Əsədov V.A., Fərmanov F.S. 2021. Kərpiclitəpə keramikası üzərindəki naxışlar. *Azərbaycan arxeologiyası* 1, 119—131.

Məmmədov A.M., Əliyev T.V. 2012. Gəncədə arxeoloji tədqiqatlar. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 266—270.

Məmmədov et al. 2010: Məmmədov A.M., Əliyev T.V., Allahverdiyeva S.K., Hacıyev G.O. 2010. Gəncə arxeoloji ekspedisiyasının 2009-cu ildəki arxeoloji qazıntı və çöl-tədqiqat işləri. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2009, 257—260.

Najafov Sh.N., Huseynov M.M., Jalilov B.M. 2024. The medieval Dashbulag settlement. *The Volga River Region Archaeology* 2 (48), 111—125. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.111.125.

Nəcəf Ə.N. 2010. *Səlcuqlu dövlətləri və atabəyləri tarixi (oğuzların ortaya çıxmasından XIV əsrədək).* Bakı: Qanun.

References

Asadov, V.A., Nadzhafov, Sh.N. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepey (Archaeology of the Eurasian steppes)* 2, 172—185 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.172.185 (in Russian).

Akhmedov, G.M. 1959. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)* 67, 186—226 (in Russian).

Akhmedov, G.M. 1983. In: Tulepbayev, B.A. (ed.). *Materialy Vsesoyuznogo soveshchaniya 13—15 maya 1981 g., g. Alma-Ata (Materials of the All-Union Conference of May 13—15, 1981.* Alma-Ata: Nauka Kazakhskoy SSR (in Russian).

Akhmedov, G.M. 1984. *Goroda Azerbaydzhana XII nachala XIII v. v svete novykh arkheologicheskikh issledovaniy. Al'manakh Nizami Gyandzhevi (Cities of Azerbaijan of the 12th — early 13th centuries in the light of new archaeological research. Almanac of Nizami Ganjavi).* Baku: Elm (in Russian).

Bolshakov, O.G. 1984. *Srednevekovyy gorod Blizhnego Vostoka (VII — seredina XIII v.) (Medieval city of the Middle East (7th — 13th century)* Moscow: Nauka (in Russian).

Geyushev, R.B. 1985. *Srednevekovyy gorod Shabran (Medieval city of Shabran)*. Baku: Elm (Monuments of material culture of Azerbaijan) (in Russian).

Dzhafarzade, I.M. 1949. *Istoriko-arkheologicheskiy ocherk staroy Gyandzhi (Historical and archaeological essay on old Ganja).* Baku: AN Azerb. SSR (in Russian).

Dzhiddi, G.A. 1981. *Srednevekovyy gorod Shemakha (IX—XVII vv.) (The medieval city of Shemakha (9th —17th centuries).* Baku: Elm (in Russian).

Dostiyev, T.M. 2009. In *Kavkaz. Arkheologiya i Etnologiya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Caucasus. Archaeology and Ethnology. Proceedings of the international conference),* 251—257 (in Russian)

Ione, G.I. 1951. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* 2, 31—79 (in Russian).

Leviatov, V.N. 1946. In *Izvestiya AN Azerb. SSR (seriya: istoriya, filosofiya i pravo) (Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (series: history, philosophy and law)* 7, 37—39 (in Russian).

Masson, M.E. 1949. In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskaoy kompleksnoy ekspeditsii (Works of South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition)* 1, 16—115 (in Russian).

Useynov, M.A., Bretanitskiy, L.S., Salamzade, A.R. 1963. *Istoriya arkhitektury Azerbaydzhana (History of architecture of Azerbaijan)* Moscow: Gosstroyizdat (in Russian).

Khalidov, A.B. 1985. *Arabskiye rukopisi i arabskaya rukopisnaya traditsiya (Arabic manuscripts and the Arabic manuscript tradition*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yakobson, A.L. 1959. In *Dekorativnoe iskusstvo SSSR (Decorative art of the USSR)* 7, 29—32 (in Russian).

Yakobson, A.L. 1959a. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and research on the archaeology of the USSR)* 67, 228—302 (in Russian).

Axundov, T.İ, Dostiyev, T.M, Əliyev, İ.N. 2002. In *Azərbaycan arxeologiyası* 1-2, 65—71.

Azərbaycan arxeologiyası. 2008. VI cilddə. VI cild (orta əsrlər). Bakı: Şərq-Qərb.

Bunyadov, Z.M. 1985. *Azərbaycan Atabəyləri dövləti 1136—1225-ci illər (State of Atabays of Azerbaijan 1136—1225 years)* Bakı: Elm.

Cəbiyev, Q.C., Abbasova, E.İ., Nemətov, S. D. 2010. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2009*. Bakı: Xəzər Universiteti, 244—251

Dostiyev et al. 2013: Dostiyev, T.M., Bəşirov, R.Y., Mirzəyev, R.H., Hüseynli, N.N. 2013. *Orta əsr Şəmkir şəhəri: arxeoloji qazıntılar və artefaktlar*. Bakı: Çaşıoğlu.

Dostiyev, T.M., Əliyev, İ.N., Ələkbərov, A.İ. 2002. In *Azərbaycan arxeologiyası* 3-4, 129—136.

Eminli, C.T. 2012. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 278—296.

Əhmədova, V.A. 1984. In *Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri (tarix, fəlsəfə və hüquq seriyası)* 1, 51—84.

Əsədov et al. 2013: Əsədov, V.A., Babayeva, T.V., Əbdürəhmanov, Ə.İ., Bağırova, A.F., Babayev, T.D. 2013. In *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası* 2, 52—61.

Əsədov et al. 2015: Əsədov, V.A., Nəcəfov, Ş.N., Ağalarzadə, A.M., Əbdürəhmanov, Ə.İ. 2015. In *Dövlət və din* 09 (38), 38—50.

Əsədov, V.A., Əhmədova, G.R. 2023. In *Dövlət və Din* 2 (76), 101—109.

Əsədov, V.A., Fərmanov, F.S. 2021. In *Azərbaycan arxeologiyası* 1, 119—131.

Məmmədov, A.M., Əliyev, T.V. 2012. In. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2011, 266—270.

Məmmədov et al. 2010: Məmmədov, A.M., Əliyev, T.V., Allahverdiyev,a S.K., Hacıyev, G.O. 2010. In *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar* 2009, 257—260.

Najafov, Sh.N., Huseynov, M.M., Jalilov, B.M. 2024. The medieval Dashbulag settlement. *The Volga River Region Archaeology* 2 (48), 111—125. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.111.125.

Nəcəf, Ə.N. 2010. *Səlcuqlu dövlətləri və atabəyləri tarixi (oğuzların ortaya çıxmasından XIV əsrədək).* Bakı: Qanun.

Таблица 1. **Результаты ^{14}C-датирования.**

REPORT OF RADIOCARBON DATING ANALYSES

David Maynard
Landsker Archaeology

Report Date: July 25, 2018
Material Received: July 05, 2018

Laboratory Number	Sample Code Number	Conventional Radiocarbon Age (BP) or Percent Modern Carbon (pMC) & Stable Isotopes Calendar Calibrated Results: 95.4 % Probability High Probability Density Range Method (HPD)
Beta - 498814	**SCPX247 46**	**960 +/- 30 BP** IRMS δ13C: -21.1 o/oo
	(95.4%) 1020 - 1155 cal AD	**(930 - 795 cal BP)**

Submitter Material: Charcoal
Pretreatment: (charred material) acid/alkali/acid
Analyzed Material: Charred material
Analysis Service: AMS-Standard delivery
Percent Modern Carbon: 88.74 +/- 0.33 pMC
Fraction Modern Carbon: 0.8874 +/- 0.0033
D14C: -112.64 +/- 3.31 o/oo
Δ14C: -119.91 +/- 3.31 o/oo(1950:2,018.00)
Measured Radiocarbon Age: (without d13C correction): 900 +/- 30 BP
Calibration: BetaCal3.21: HPD method: INTCAL13

BetaCal 3.21

Calibration of Radiocarbon Age to Calendar Years

(High Probability Density Range Method (HPD): INTCAL13)

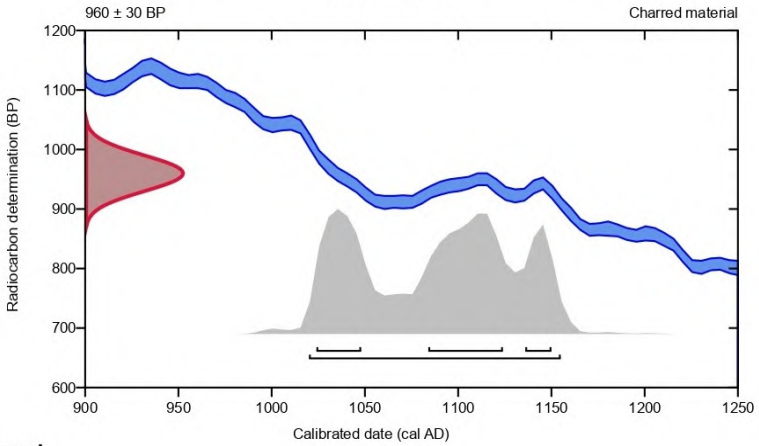
(Variables: d13C = -21.1 o/oo)

Laboratory number Beta-498814
Conventional radiocarbon age 960 ± 30 BP

95.4% probability
(95.4%) 1020 - 1155 cal AD (930 - 795 cal BP)

68.2% probability
(34.7%) 1084 - 1124 cal AD (866 - 826 cal BP)
(22.7%) 1024 - 1048 cal AD (926 - 902 cal BP)
(10.9%) 1136 - 1150 cal AD (814 - 800 cal BP)

SCPX247 46

Database used
INTCAL13

References

References to Probability Method
Bronk Ramsey, C. (2009). Bayesian analysis of radiocarbon dates. Radiocarbon, 51(1), 337-360.

References to Database INTCAL13
Reimer, et.al., 2013, Radiocarbon55(4).

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory
4985 S.W. 74th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305)667-5167 • Fax: (305)663-0964 • Email: beta@radiocarbon.com
Page 11 of 13

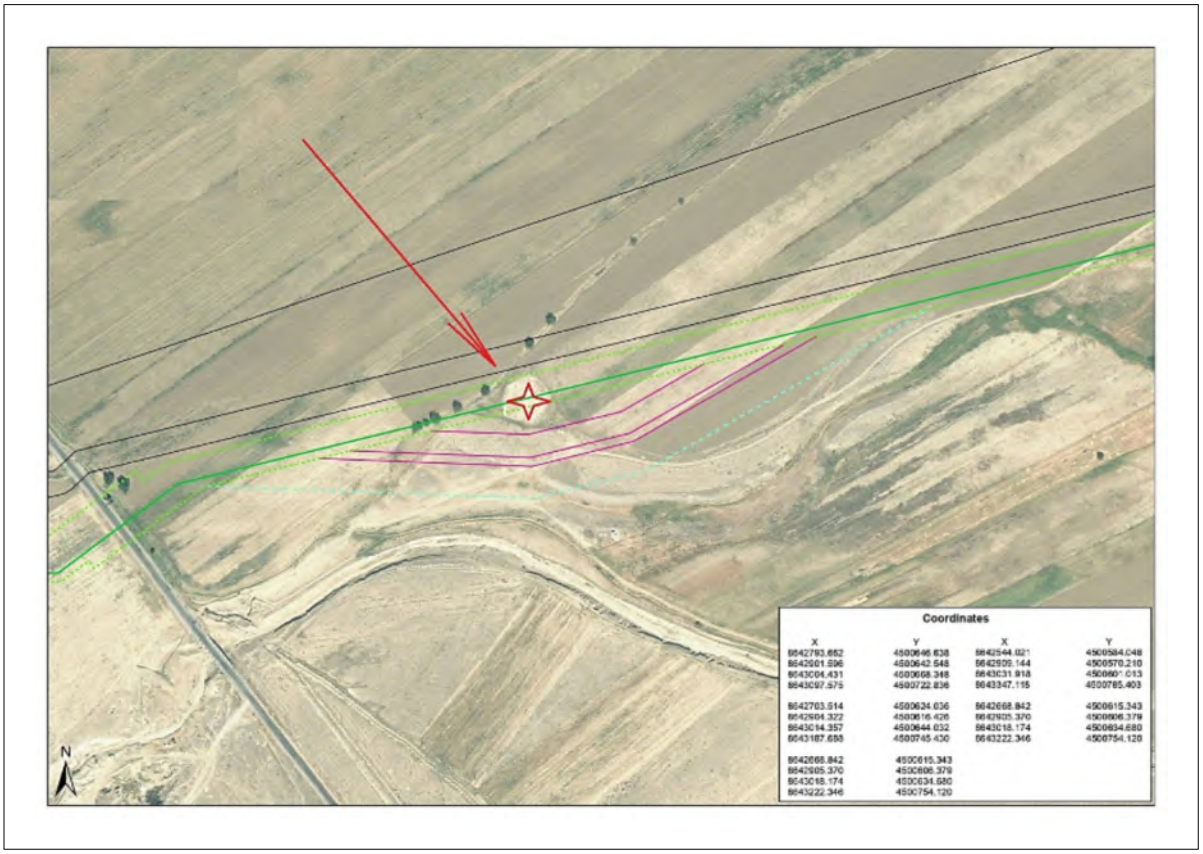

Рис. 1. Месторасположение и координаты Керпиджлитепе.

Fig. 1. Location & coordinates of the Kerpijlitepe.

Рис. 2. Вид участка раскопок сверху (фото Давида Майнарда).

Fig. 2. View of the excavation site from above (photo by David Maynard).

Рис. 3. Компютерный 3D план раскопок и магнитометрический вид предпологаемого участка (план Давида Майнарда).

Fig. 3. The 3D excavation plan and magnetometric view of the proposed site (plan by David Maynard).

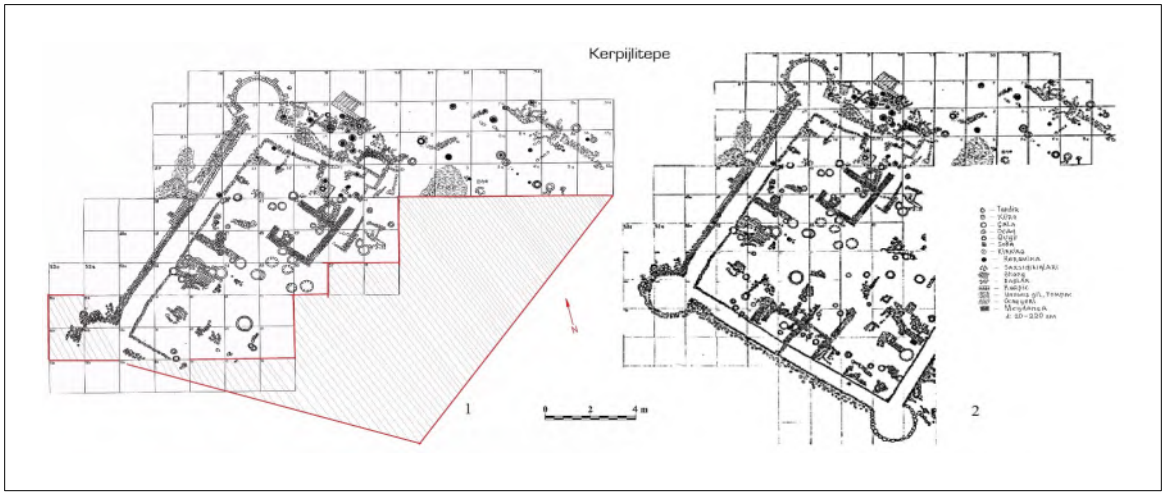

Рис. 4. Схематический план участка раскопок: *1* — первый этап; *2* — последний этап (автор планов Фархад Фарманов).

Fig. 4. Plan of the excavation site: *1* — 1st stage; *2* — last stage (author of the plans Farhad Farmanov).

Рис. 5. Строительные остатки Керпиджлитепе: *1, 2* — северная башня; *3* — подвал для хранения продуктов; *4* — сохранившаяся часть стены (фото авторов).

Fig. 5. Construction remains of Kerpijlitepe: *1, 2* — northern tower; *3* — basement for storing food; *4* — preserved part of the wall (photos by authors).

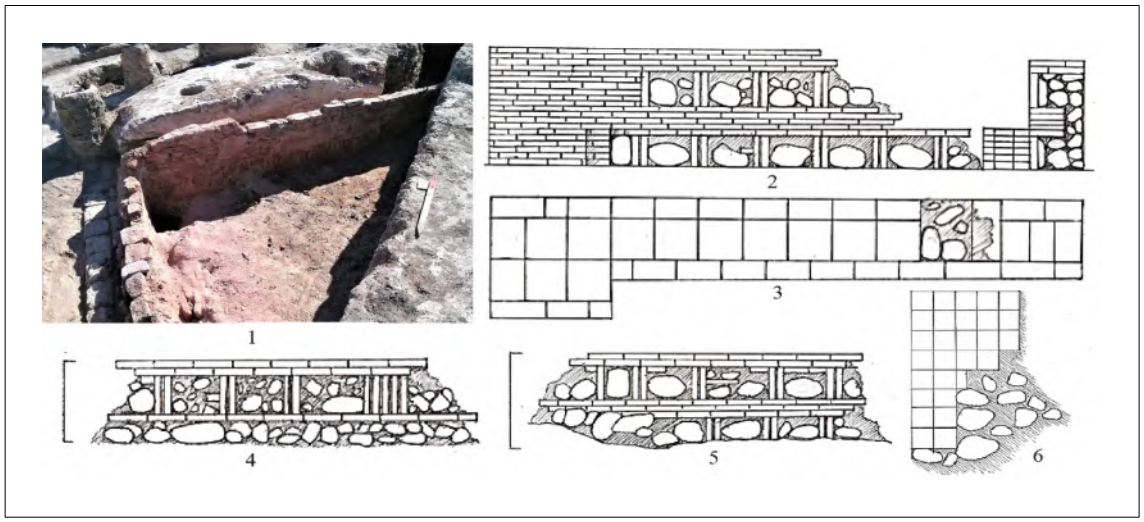

Рис. 6. Строительная архитектура Керпиджлитепе: *1* **—** остатки прямоугольного сооружения внутри замка; способ кладки остатков стен: *2, 3* — “Гянджинская кладка”; *4* — внутренний вид стены; *5* — внешний вид стены; *6* — фундамент (автор фото и планов Фархад Фарманов).

Fig. 6. Construction architecture of Kerpijlitepe: *1* — remains of a rectangular structure inside the castle; method of laying the remains of the walls: *2, 3* — “Ganja masonry”; *4* — internal view of the wall; *5* — external view of the wall; *6* — foundation (author of photos and plans Farhad Farmanov).

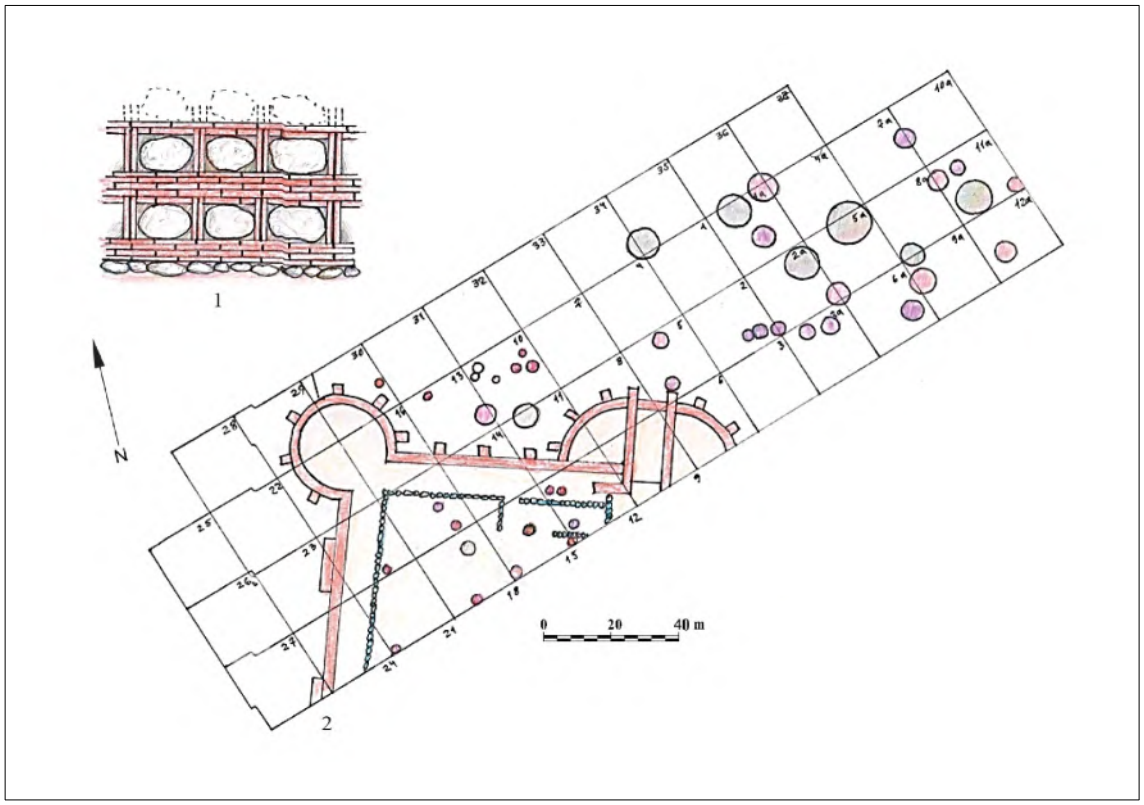

Рис. 7. Строительная архитектура Керпиджлитепе: *1* **—** вид внешнего фасада кладки стен; *2* — хозяйственные ямы и тандыры, обнаруженные вне замка (автор Фархад Фарманов).

Fig. 7. Building architecture of Kerpijlitepe: *1* — view of the external facade of the masonry walls; *2* — utility pits and tendirs discovered outside the castle (author Farhad Farmanov).

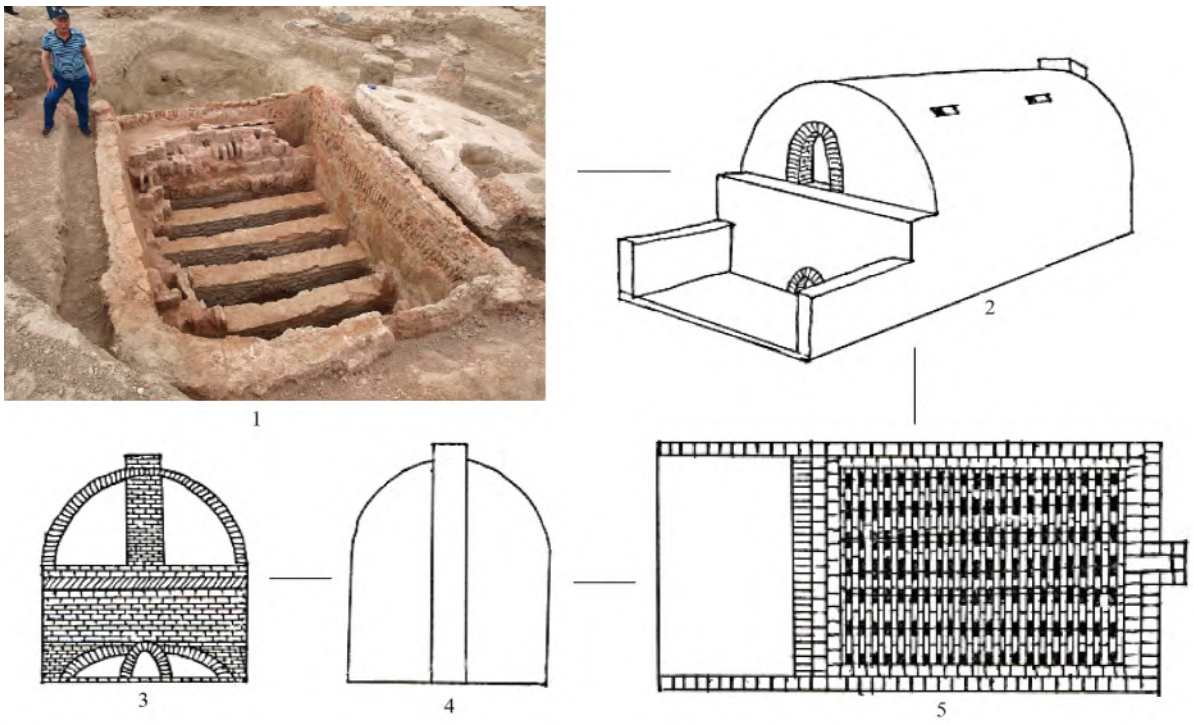

Рис. 8. Керпиджлитепе. Печь для обжига кирпичей и сосудов: *1* — общий вид; *2* — вид сбоку (графическая реконструкция); *3* — вид спереди (графическая реконструкция); *4* — вид сзади (графическая реконструкция); *5* — вид сверху (графическая реконструкция); (фото и графические реконструкции Фархада Фарманова).

Fig. 8. Kerpijlitepe. Kiln for firing bricks and vessels: *1* — general view; *2* — side view (graphic reconstruction); *3* — front view (graphic reconstruction); *4* — back view (graphic reconstruction); *5* — top view (graphic reconstruction); (photos and graphic reconstructions by Farkhad Farmanov).

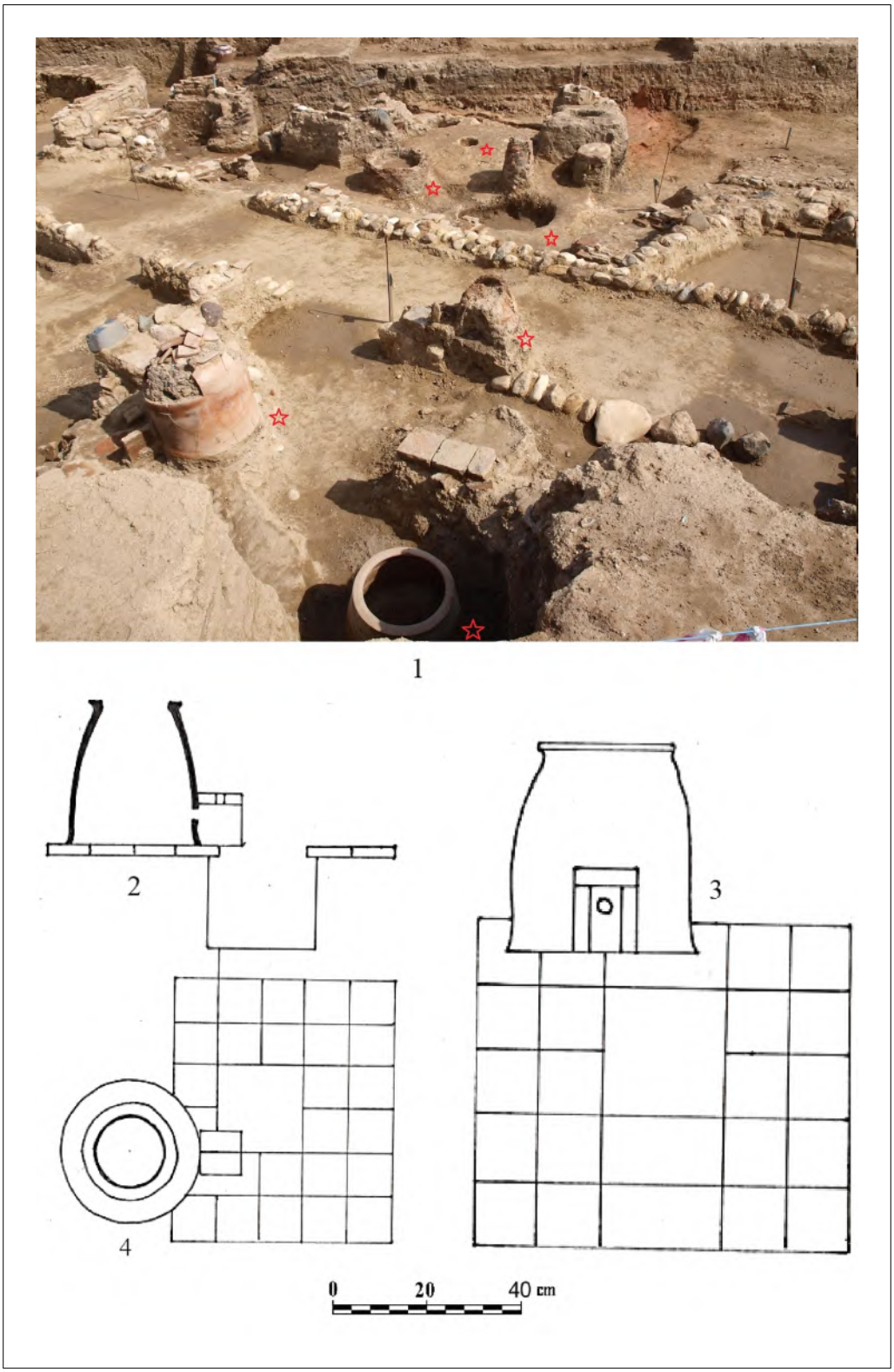

Рис. 9. Керпиджлитепе: *1* — продуктовые подвалы и тандыры; *2* — тандыр; *3* — обжигательная печь; *4* — хозяйственная яма (графическая реконструкция); (фото и графические реконструкции Фархада Фарманова).

Fig. 9. Kerpijlitepe: *1* — food cellars and tendirs; *2* — tendir; *3* — kiln; *4* — utility pit (graphic reconstruction); (photos and graphic reconstructions by Farhad Farmanov).

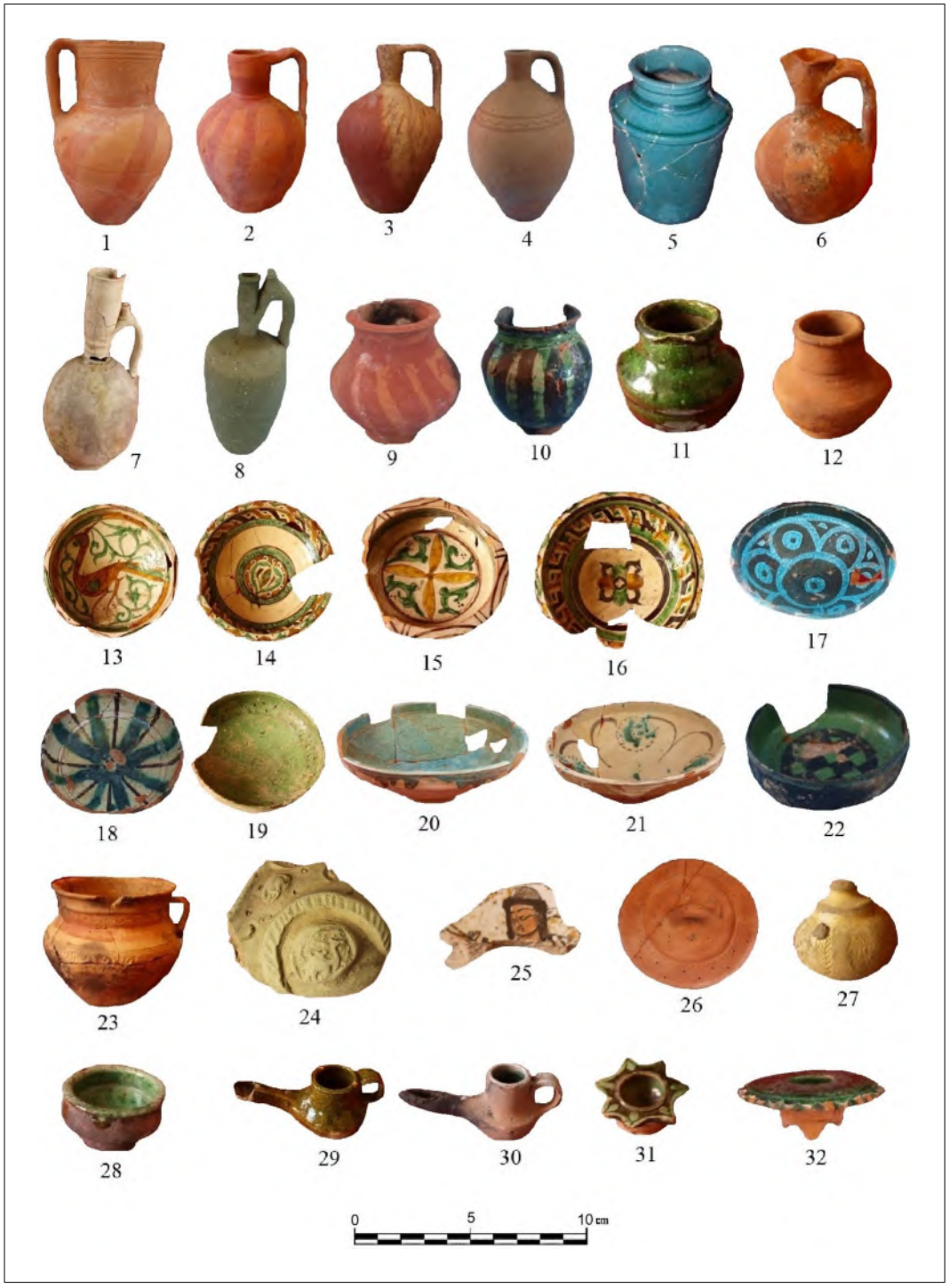

Рис. 10. Глиняные изделия Керпиджлитепе: *1, 5* — широкогорлые кувшины; *2—4, 6—8* — сосуды типа узкогорлых кувшинов; *9—12* — горшки разной формы; *13, 24* — вазы с зооморфными изображениями; *14—21* — миски; *22* — сосуд типа чаши; *25* — фрагмент сосуда с антропоморфным изображением; *26* — крышка; *27* — сфероконус; *29, 30* — глиняные светильники; *31, 32* — чернильницы (фото авторов).

Fig. 10. Kerpijlitepe clay items: *1, 5* — wide-necked jugs; *2—4, 6—8* — vessels of the narrow-necked jug type; *9—12* — pots of various shapes; *13, 24* — vases with zoomorphic images; *14—21* — bowls; *22* — vessel of the cup type; *25* — fragment of vessel with anthropomorphic image; *26* — lid; *27* — spherocone; *29, 30* — clay lamps; *31, 32* — inkwells (photos by authors).